

— Что это?

Слуга, собиравший вещи, внезапно обнаружил, что Ли-ван стоит прямо за его спиной. Ледяной, пронизывающий взгляд князя и его помрачневшее лицо так напугали беднягу, что у него подкосились ноги. Он едва не рухнул на пол, лишь судорожно открывая рот, но от страха не мог вымолвить ни слова.

Жун Чжао нетерпеливо нахмурился и, не дожидаясь ответа, сам взял предмет, привлекший его внимание. Это был старый, явно поношенный хэбао.

На вид вещица казалась самой заурядной: аляповатая ткань, простоватый узор. Однако взор князя прикипел к вышитому на ней цыплёнку. Работа была грубой и неумелой, но Жун Чжао смотрел на неё не отрываясь, и морщина между его бровей пролегла глубже.

— Что ты делаешь? — Чжу Цзылин, заметив странную заминку, подошёл ближе и с любопытством спросил.

Князь поднял голову. Он долго и пристально всматривался в лицо юноши — так долго, что тот невольно коснулся своих губ, гадая, не прилипла ли к ним снова крошка. Наконец Жун Чжао спросил низким, глубоким голосом:

— Это твоё?

— А? — Чжу Цзылин растерянно моргнул и посмотрел на хэбао в руках супруга. Смутные воспоминания шевельнулись в его голове. — Раз его нашли здесь, значит, моё. К чему такие вопросы?

«...»

Жун Чжао опустил веки, скрывая в тени ресниц бурю сложных чувств. Помолчав мгновение, он ответил:

— Ни к чему. Просто узор показался мне странным. Решил спросить.

«...»

«Странно?»

Чжу Цзылин недоумённо изогнул бровь и снова склонился над вещицей. На первый взгляд —

обычный нежно-жёлтый цыплёнок на цветной ткани. Но если присмотреться, птица и впрямь выглядела необычно.

Мало того что швы были неровными, а тельце — чересчур округлым, так ещё и лапки мастер вышил ярко-красными нитями. Более того, у хвоста красовались мазки тёмно-синего цвета, переходящие на саму ткань, из-за чего казалось, будто у цыплёнка выросло длинное оперение, как у какой-нибудь экзотической птицы. Получилось ни то ни сё: то ли птенец-переросток, то ли диковинная птаха.

Выглядело и впрямь нелепо.

Но стоило ли из-за этого затевать расспросы? Неужели Жун Чжао, будучи принцем крови, никогда не видел столь уродливых поделок и не смог сдержать изумления?

Юноша с сомнением посмотрел на мужа, не слишком веря его объяснениям. Однако князь явно не собирался продолжать разговор. Он вернул хэбао на место и отошёл в сторону.

На этот раз Жун Чжао не покинул комнату, как планировал, а небрежно опустился в кресло. Его взгляд, казалось, скользил по вещам бесцельно, но на деле он подмечал каждую мелочь.

В конце концов его взор снова остановился на Чжу Цзылине.

Силуэт юноши в его сознании начал медленно сливаться с образом маленького ребёнка из далёкого прошлого. Улыбчивое лицо, которое за годы успело стереться из памяти, вдруг обрело чёткие черты. Князь смотрел на него, и мысли его невольно унеслись в тот кровавый полдень.

День, когда был казнён его дед, Цзин-гогун Ци Тинъи, и уничтожены все девять колен его клана.

Тогда он, ещё мальчишка, всеми правдами и неправдами сбежал из дворца и бросился к месту казни. Но он опоздал. Ему не довелось увидеть деда в последний раз — лишь остатки кровавого пиршества: залитый багрянцем помост и тяжёлый, липкий запах смерти.

Зеваки вокруг оживлённо переговаривались, смакуя подробности увиденного. На их лицах застыло выражение праздного любопытства и жестокого удовлетворения.

Семья его матери поколениями охраняла рубежи империи, сдерживая натиск Северных Ди. Чтобы защитить Великую Ци, чтобы эти самые люди могли спать спокойно, десятки сыновей клана Ци сложили головы на полях сражений. Те же, кому посчастливилось выжить, возвращались домой, покрытые шрамами.

Император Юнсюань презирал воинов. Он обделял армию, урезал пайки и жалованье. Если бы

не дед и его родные, которые ценой своих жизней и собственного достоинства удерживали оборону, как могли бы император и эти горожане верить в незыблемость своих стен?

Род, для которого Северные Ди были кровными врагами, род, сокрушивший вражеское войско и подаривший границам годы мира, был объявлен предателем и вырезан под корень.

Верхушка Северо-западной армии была уничтожена. От дальних родственников до близких друзей, от седых старцев до грудных младенцев, от вдов до сирот — всех вытащили на плаху. Истребление девяти колен. Более сотни душ.

И эти люди смели рукоплескать? Они превратили кровь сотни невинных в тему для застольных шуток. Они называли павших героев коварными изменниками и глумились над участью женщин и детей, чьи мужья и отцы погибли за них в бою.

Для восьмилетнего Жун Чжао весь мир окрасился в алый цвет. Солнце палило нещадно, но мальчика бил озноб. Голоса толпы, полные невежественной злобы, kloкотали в его груди, пока разум не помутился. Вспышка ярости была подобна взрыву: он, словно безумный, бросился на какого-то бродягу, который отпускал грязные шуточки в адрес казнённых женщин.

Он плохо помнил, что было дальше.

Сознание затуманилось, перед глазами стояла кровавая пелена, а в ушах стоял непрекращающийся гул. Он перестал видеть и слышать. Чужая кровь мешалась с его собственной, впитываясь в землю, уже пропитанную кровью его родных. Безумие затягивало его всё глубже. Мальчик крушил и рвал каждого, кто оказывался рядом, погружаясь в пучину неконтролируемой ярости. В том хаосе он не чувствовал ни боли, ни ударов.

Так продолжалось до тех пор, пока в этом багровом кошмаре не появилось маленькое лицо. Малыш, едва доставший ему до подбородка, смотрел на него снизу вверх, приподнявшись на цыпочки. Ребёнок изо всех сил дул на раны на его лице, стараясь облегчить боль.

В том мире, залитом кровью, только это дитя оставалось чистым.

Тогда Жун Чжао всё ещё содрогался всем телом, но кровавая завеса перед его глазами начала понемногу рассеиваться, словно её и впрямь развеяли этим детским дыханием. Рассудок возвращался к нему по крупицам...

Прошло больше десяти лет. Ли-ван не мог быть уверен, каким должен был стать тот ребёнок, повзрослев. Но он отчётливо помнил тот аляповатый хэбао на его поясе — с нелепым цыплёнком, красными лапками и длинным хвостом.

Столь «особенная» вещь не могла быть случайностью. Да и возраст Чжу Цзылина идеально подходил под те воспоминания... Он и представить не мог, что ванфэй, которого он ввёл в свой

дом, не собираясь сблизиться, окажется тем самым ребёнком, о котором он помнил долгие годы.

Вот только... Узнал ли его Чжу Цзылин?

Князь еще какое-то время наблюдал за юношей, но так и не решился спросить прямо. Впрочем, в этом и не было нужды. Он был почти уверен: супруг знает правду. Только этим можно было объяснить, почему тот с самого начала вёл себя с ним совсем не так, как остальные.

Раньше Жун Чжао лишь строил догадки, полагая, что странное и подчас «подозрительное» поведение Чжу Цзылина вызвано тайным обожанием. Но мог ли кто-то проникнуться такой преданностью к Ли-вану, пользующемуся дурной славой, даже ни разу не видев его в лицо? Разумеется, нет.

Всё становилось на свои места: их пути уже пересекались. Вероятно, Чжу Цзылин хранил ту встречу в сердце и всегда знал, что свирепый Ли-ван вовсе не похож на чудовище из легенд. Потому он и не боялся, потому и проявлял заботу, граничащую с влюблённостью.

Тогда, на месте казни, они не называли имён. Но это был день гибели клана Ци, а Жун Чжао в отчаянии потерял рассудок на глазах у всех. Стоило юноше повзрослеть и хоть немного разузнать о делах минувших лет, как догадаться о личности того мальчика не составило бы труда. Ведь после гибели Ци единственным их близким родственником остался лишь он, опальный принц.

Но почему Чжу Цзылин не сказал ему об этом прямо?

Знай Жун Чжао правду с самого начала, он, возможно, всё равно оставался бы настороже, но уж точно не стал бы запугивать и допрашивать его с такой суровостью. Когда князь спросил о хэбао, он явно дал понять, что помнит о прошлом. Но Чжу Цзылин не воспользовался моментом, чтобы открыться. Неужели он... не хочет требовать награды за свою доброту?

Вспоминая все попытки юноши подобраться к нему поближе после свадьбы, князь прикрыл глаза, скрывая смутение. Похоже... Чжу Цзылин хочет, чтобы его приняли не из благодарности за детскую встречу. Он хочет завоевать его расположение своими нынешними поступками. Боятся, что если в памяти Жун Чжао он останется тем беззащитным малышом, то вызовет лишь жалость, но не любовь?

Чувства Ли-вана становились всё запутаннее. Но за то короткое время, что он провёл в раздумьях, он твёрдо решил: он не станет признаваться, что узнал его.

Он всегда хотел найти того ребёнка, но не для того, чтобы заявить о себе, а лишь чтобы тайно оберегать его. Положение князя сейчас слишком опасно и зыбко. Быть его близким — значит подставить себя под удар. Конечно, Чжу Цзылин уже стал его законным супругом, и их судьбы сплелись воедино. Но Жун Чжао не хотел, чтобы юноша питал к нему слишком глубокие

чувства или лез в ту мутную воду, в которой барахтался сам князь.

Потому он и скрыл истинную причину своего интереса к хэбао, обойдя суть дела. Раз Чжу Цзылин предпочитает молчать, так будет лучше для них обоих.

«Пусть всё остаётся как есть» — подумал он.

Чжу Цзылин и не подозревал, какую сложную драму только что выстроил в своей голове супруг. Он не придавал значения мимолётному эпизоду и, закончив со сборами, был готов возвращаться. Чжу Жуйхун для проформы предложил им остаться подольше, хотя в душе мечтал поскорее спровадить гостей.

— Смотрите, чтобы о золотой статуе заботились как подобает, — нарочито строго бросил юноша перед уходом. — Не вздумайте её переставлять, иначе ванъе разгневется.

«...»

Жун Чжао позволил Чжу Цзылину прикрываться своим именем и лишь одарил министра ледяным взглядом, не проронив ни слова. Министр Чжу, покрываясь холодным потом, закивал:

— Ваша слуга повинуется! Мы будем почитать изваяние ванъе со всем усердием!

Чжу Цзычжэнь, дав в себе страх и обиду, поспешил присоединиться к обещаниям.

— Да, и моё приданое... я его ещё не проверял, вдруг возникнут вопросы, — небрежно добавил ванфэй. — Если что-то не сойдётся, боюсь, мне придётся заглянуть к вам снова.

Лица Чжу Жуйхуна и госпожи Ху позеленели. Чиновник, стиснув зубы, прохрипел:

— Ванфэй может быть спокоен. Всё в полном порядке. А если и закралась какая-нибудь оплошность, ваша слуга немедленно её исправит!

Чжу Цзылин остался доволен. Жун Чжао же, глядя на супругов, сузил глаза, и в его взоре сквозил холод. Он вспомнил того малыша из прошлого: он был прелестен, словно вырезан из нефрита, но одет довольно скромно, и за ним не следовало ни единого слуги. Это совсем не походило на положение сына высокопоставленного министра.

Да и в донесениях о прошлом ванфэй говорилось, что отец его не жаловал, а мачеха и вовсе ненавидела. Жизнь в этом поместье явно была не сахар. Должно быть, все эти годы эти люди только и делали, что притесняли его. В глазах Жун Чжао вспыхнула ярость, но он быстро взял себя в руки, и его взор снова стал непроницаемо тёмным.

— Министру Чжу стоило бы на досуге получше обучить супругу и сына правилам приличия, — ледяным тоном произнёс князь. — Пусть отныне они ежедневно переписывают «Книгу ритуалов». Делать это следует прямо перед золотой статуей.

«...»

Чжу Жуйхун остолбенел. Госпожа Ху и Чжу Цзычжэнь и вовсе лишились дара речи. Чжу Цзылин тоже удивился, но в следующее мгновение его лицо озарилось радостью. Он довольно заулыбался.

А ведь у скверного и непредсказуемого нрава Жун Чжао есть свои плюсы! Когда это направлено против него — обидно, но когда против мачехи и её сына — просто замечательно.

Юноша решил, что у князя просто снова испортилось настроение и он решил на ком-нибудь сорваться, а эти двое просто попались под горячую руку. Он и не догадывался, что Жун Чжао намеренно мстит за него. Князь не стал ничего добавлять и просто поднялся в карету.

Ванфэй счёл, что визит прошёл более чем успешно. В прекрасном расположении духа он последовал за мужем, мимоходом поблагодарив его:

— Ваши идеи просто замечательны! Всё к месту!

«А сам вы — на редкость полезный инструмент!» — добавил он про себя.

Жун Чжао долго смотрел на него. Видя искреннюю радость юноши, он лишь утвердился в мысли, что в этом доме над ним издевались сверх всякой меры. Он помрачнел и промолчал. Разве это можно назвать местью?

Отсутствие ответной реакции со стороны князя ничуть не расстроило Чжу Цзылина. Он уже всю грезил о вкусностях, ждущих его в поместье.

Едва переступив порог дома, он первым же делом спросил, не готово ли что-нибудь съестное. Теперь, когда у него в подчинении была целая толпа слуг, ему больше не нужно было вылавливать аньвэев во дворе. Стоило ему заикнуться о еде, как слуга тут же принёс из кухни свежую выпечку. Это был тот самый бисквит, который он научил их делать вчера.

С тех пор как Чжу Цзылин открыл им этот рецепт, повара, отвечающие за сладости, пребывали в состоянии азарта. Сам способ приготовления не был секретом, но раньше у них не получалось правильно взбивать яйца. Попрактиковавшись, они быстро освоили этот навык. Вкус и нежная текстура бисквита покорили всех. Повара ещё не успели пресытиться новинкой, поэтому последние два дня только его и пекли.

А вот юноше, похоже, простые радости уже начали приедаться. Съев пару кусочков, он не

почувствовал былого удовлетворения. В его голове уже роились идеи посложнее: бисквиты с кремом, мороженое, тарталетки... В конце концов ноги сами привели его на кухню.

Это был уже третий визит Чжу Цзылина в святая святых. На этот раз Дэн Жун и остальные повара встретили его с нескрываемым почтением.

— Ванфэй, вы пришли? Бисквиты как раз в печи, не желаете взглянуть? — радостно проговорил повар. — Мы тут решили поэкспериментировать: добавили в тесто сушёные плоды, а в другую часть — немного цветочного чая и фруктового вина. Не знаем только, что из этого выйдет. Как думаете, получится?

— Это отличная идея! — Чжу Цзылин был искренне рад их рвению. Чем больше они будут пробовать, тем разнообразнее станет его стол. — Получится или нет — узнаем, когда попробуем. Удачные рецепты оставим, а те, что не понравятся — заменим другими. Трудитесь! А я сегодня попробую приготовить кое-что новенькое.

Повара замерли. Переглянувшись, они с сомнением спросили:

— Неужели ванфэй сегодня снова явит нам новое блюдо?

— Ну... в каком-то смысле, — ответил юноша. — Сегодня сделаем две вещи. Обе простые, мне понадобятся только два помощника.

Люди на кухне снова обменялись взглядами. Им было трудно в это поверить. Пусть Чжу Цзылину и удалось вчера сотворить чудо с бисквитом, но такие уникальные рецепты — большая редкость. Одно удачное открытие еще можно списать на случайность, но чтобы вот так, сразу два новых...

— Что же ванфэй желает приготовить сегодня? — осторожно поинтересовался Дэн Жун. — Это... другие виды бисквитов?

— Можно сказать... они из той же оперы, — уклончиво ответил юноша. — Сегодня в меню у нас бисквит с кремом и шуанпинай.

«...Крем? Шуанпинай?»

На лицах поваров отразилось полнейшее недоумение. Что это вообще за диковины?